

Слава Харченко

Харченко Вячеслав Анатольевич, прозаик. Родился в 1971 г. в Краснодарском крае, детство и юность провёл в Петропавловске-Камчатском, окончил МГУ им. М. В. Ломоносова и аспирантуру МГУЛ. Член Союза писателей Москвы и Русского ПЕН-центра. Стихи и проза печатались в толстых литературных журналах. Лауреат Волошинского литературного конкурса и премии журнала «Зинзивер». Автор восьми книг прозы. Рассказы переводились на немецкий, английский, китайский и турецкий языки. Живёт в Симферополе.

Легендарная картошка

Стоим с Сашей Либуркиным на рынке Алушты. Я выбираю домашнюю курицу. Говядина дорога, а свинину Саша не ест. Уже готов расплатиться, но вдруг Саша отводит мою руку с деньгами и говорит:

– Слава, ты можешь мне лучше пожарить картошку?

Я смотрю на жирную домашнюю курицу и ничего не понимаю.

– Какую картошку?

– Легендарную.

У меня взрыв мозга. Никакой легендарной картошки я не знаю.

– Какую легендарную?

– Я помню твой рассказ об особом рецепте жареной картошки, который передавался в твоей семье из поколения в поколение.

Начинаю смутно припоминать. В рассказах я обычно вру. Если честно, я не помню никакого легендарного рецепта жареной картошки, который бы передавался в моей семье из поколения в поколение. Картошку мне жарит жена.

Купил Саше картошки. Вспомнил, как жарит жена. Разогрел чугунную сковородку, залил маслом, порезал крупными дольками. Довёл до румянца.

Дал Саше.

– Божественно! – воскликнул Саша, уминая картошку с молодым крымским чесноком.

Когда Саша поел, я сказал:

– Теперь ты, Саша, знаешь наш легендарный семейный рецепт. Пожалуйста, не рассказывай его никому.

– Нет, нет, Слава, никому, – воскликнул Саша, облизывая тарелку.

Ночью мне снились жена, бабушка, картошка и домашняя курица.

Боюсь смерти

– Смерти боюсь, – пишет в вотсап жена.

Что может ответить жене в вотсап пятидесятилетний мужчина, тоже боящийся смерти?

Осторожно отвечаю:

– Ну, мы все умрём.

– Нет, ты не понимаешь, – отвечает жена.

Я ещё более осторожно пытаюсь ответить. В принципе я читал и Ницше, и Платона, и Шестова, и Бодрийяра, прости Господи. Могу что-то ввернуть.

– Я пойму, – выдавливаю я.

– Я обещала «Войну и мир» прочесть, Толстого.

– Кому? – удивлённо спрашиваю я, всё более не понимая.

– Высшим силам, – отвечает жена.

– Прямо «Войну и мир»?

– Когда я в семнадцать лет поступала в университет, то на экзамене по литературе поклялась высшим силам, что прочту «Войну и мир», если мне не выпадет билет по Толстому.

– И чего?

– Выпал Маяковский.

– Да-а-а-а, – тяну я, – надо теперь «Войну и мир» прочесть, нехорошо.

– Нехорошо, – пишет жена, – живу, живу – и всё не так, всё ни к чему, надо Толстого прочесть.

– Мне больше «Анна Каренина» нравится и «Смерть Ивана Ильича».

– Но я вот что думаю, – пишет жена.

– Что? – опять недоумеваю я.

– А вдруг я сейчас прочту Толстого и сразу умру? Типа всё обещанное сделала, и высшие силы скажут: «Всё, Леночка, погуляла, давай в гроб».

– Резонно, – отвечаю я.

– И что мне делать? – в отчаянии пишет жена.

Я не люблю, когда женщина в отчаянии. Женщина в отчаянии может совершить что угодно. Покорить Эверест, уехать в штат Джорджия Северо-Американских штатов или потребовать завести третьего кота.

– Хорошо, – пишу, – мы же решили умереть в один день?

– В один.

– Ну я в тот день, когда буду умирать, принесу тебе «Войну и мир», и ты её прочтёшь.

– А когда ты умрёшь? – спрашивает жена.

– Не знаю, – отвечаю, – эта тайна мне неизвестна.

– Ладно, – пишет жена, – ты меня успокоил. Пойду прочитаю пока Бабея.

– «Одесские рассказы»?

– «Одесские рассказы».

Осторожно шлю смайлик, мало ли что придёт в голову женщине в отчаянии.

Пуговица

На одних брюках отвалилась пуговица, на вторых сломался замочек. Хожу в третьих. Но на третьих брюках есть небольшая дырочка. В принципе ходить можно, но чувство небольшой дырочки гложет меня. Собрал все три пары брюк, пошёл в ателье. Точнее побежал: до закрытия оставалось полчаса. В Южном городе всё закрывается рано, а на рабочем месте никто не задерживается.

Вбежал за пятнадцать минут до закрытия. Милая юная, но суровая швея, оторвавшись от машинки, мрачно посмотрела на меня. Подумала, посмотрела на часы и спросила:

– Вам что?

Я с извинениями достал из пакета три пары брюк.

– Вот, – говорю, – пуговица, замочек и дырка.

Миловидная швея подошла к куче штанов и стала их рассматривать.

Причём как-то брезгливо. Потом процедила:

– Дырочку зашьём, а замочек и пуговку – увы.

– Почему? – удивлённо спросил я.

Швея перевела взгляд на плакат, висящий на стене. На плакате было написано: «Вещи берём после стирки».

Я задумался, а потом, вспомнив всё своё обаяние, расплывшись в улыбке, заговорщицки подмигнул и произнёс:

– А может, возьмёте, хотя бы замочек?

– Да вы что! – воскликнула швея. – Вы их нюхали? Они пахнут.

Я понюхал все три пары штанов. Штаны пахли мной.

– Нормально пахнут, – сказал я.

– Ага, а шерсть? – ещё раз воскликнула швея.

– Что шерсть? – я сделал вид, что ничего не понимаю.

– Кошачья шерсть, – прошептала швея и ткнула меня в кошачьи волосинки.

Это было поражение. Когда вы живёте в одном доме с котом, то любая ваша одежда, как ни старайся, как ни чисть её, всё равно будет в кошачьей шерсти, хотя бы одна-две ворсинки. Я не стал больше спорить. Я пристыженно собрал штаны и пошёл домой. Шёл и думал: «Вот в восемнадцать лет мне молодые девушки не отказывали, а сейчас хоть заулыбайся. Всё тлен».

Наушники

Захожу в Южный магазин электроники:

– Мне usb-наушники.

– Такие не производят, – отвечает молодой развешёлый консультант.

– Как не производят? – говорю. – У меня на работе у соседа такие.

– Может, блютуз?

Достаёт блютуз-наушники.

– Нет.

– Может, обычные?

Достаёт с двумя штырями.

– Нет.

– Такие не производят.

– Поищите.

Ищет, откуда-то из залежей достаёт наушники с юсбишным входом.

Я радуюсь. Он тоже. Выписывает счёт.

– Надо проверить, – говорю.

Вздыхает, долго ищет компьютер со звуковой картой, долго подключает, звука нет.

– Нет звука, – говорю.

– А так, а так, а так?

Звука нет.

– Пойду в другой магазин, – говорю.

– Во всём городе нет таких наушников, можно под заказ.

– Сколько ждать?

– Две недели.

– У меня завтра видеоконференция.

Ухожу.

Захожу в соседний магазин:

– USB-наушники есть?

Молодой развесёлый консультант показывает на стенде наушники за 100500 рублей.

Осматриваю стенд. Вижу такие же за 1500, фирма известная, «Логитек».

– А эти?

– А-а-а, да, – нехотя говорит консультант.

– Проверить можно?

– Проверить нельзя.

– Почему?

Молодой развесёлый консультант молчит.

– Нельзя.

Беру без проверки и иду домой в тревоге, зная, что это Южный город.

Дома звоню по скайпу Андрюше. Андрюша – мой старый университетский приятель. Андрюша в скайпе открывает рот, как рыба, но я ничего не слышу.

Судорожно нажимаю все кнопки и кручу все ручки.

Наконец-то слышу Андрюшу.

– И вот, понимаешь, пошёл дождь, и мне вдруг показалось на мгновение... – говорит Андрюша.

– Какой дождь? – спрашиваю.

– И вот сквозь стену ливня я ощущаю... – продолжает Андрюша. Он явно меня не слышит.

Опять кручу ручки и жму кнопки.

Ругаюсь.

Андрюша вздрагивает на экране и говорит:

– Ты чего ругаешься?

– О, слышишь, значит?

– Слышу. Так вот, а потом засияло солнце, и откуда-то из туч в землю ударил одинокий луч.

– Ну, пока, – говорю.

Андрюша обиженно вешает трубку.

Надо бы ещё понять, будут они работать с рабочего компьютера, но это завтра уже. Сегодня воскресенье.

Машка

Звонит Валерик. С Валериком мы вместе учились в МГУ на мехмате.

– Машка умерла, – говорит.

Машка у нас с Валериком может быть только одна. Она учила нас в университете английскому языку, и мы все были в неё влюблены, а она любила из нашей группы двухметрового широкоплечего Альберта и называла его Альбёрт. Валерика она называла Валери, а меня Глория Мунди. Она всем дала клички, и все они были аристократически величественны. Машке в 1988 году было сорок пять лет, и все мы, семнадцатилетние, были в неё поголовно влюблены.

– Ты знаешь, оказывается, она не Машка, а Марина.

– Да ну? – говорю.

– Ага, Марина.

– А почему мы её звали Машка?

– Хз.

– Марина, оказывается.

– Не веришь – сам зайди на сайт факультета, там некролог.

Зашёл.

«Математический факультет МГУ с прискорбием сообщает, что вчера на восьмидесятом году жизни скоропостижно скончалась доцент кафедры преподавания английского языка Марина Сергеевна Корнеева...», ну и т.д.

– Хорошая жизнь, – пишу Валерику.

– Хорошая, – отвечает Валерик.

Куры

– Понимаешь, Слава, вот какое дело... – к моему забору подходит сосед.

Я сижу спиной, мне лень разговаривать с соседом, я читаю телегу.

– Оторвись от телеги, – говорит мне сосед.

Нехотя поднимаю глаза.

– Куры стали плохо нестись.

Я начинаю мучительно соображать, какое я имею отношение к его курам.

– И чего? – спрашиваю.

– Ты же яйца у меня покупаешь.

– Угу, – киваю.

– И Тома покупает.

Тома – это ещё одна соседка по общему двору. Начинаю понимать, куда клонит сосед. Я покупаю у него десятков яиц каждый понедельник.

– Ну отдай Томе, – говорю, – если не хватает.

– Так нельзя, – говорит сосед.

– Почему?

– Мы живём в свободной, равноправной стране, почему я должен продать яйца Томе, а не тебе?

– Отдай кому нужнее, – говорю.

– Нет, – говорит сосед, – так нельзя.

– Отдай Томе.

Сосед задумался.

– Давай так, – говорит, – мы сыграем с тобой в нарды.

Если выиграю я – отдам яйца Томе. Если выиграешь ты, то яйца твои.

Сосед играет со мной в нарды, когда выпьет. Проблема даже не в том, что когда выпьет, а в том, что он в нарды играет только под горячительное. То есть мне надо с ним играть в нарды и продолжать его праздник жизни, а сегодня всего лишь понедельник. Праздник жизни я устраиваю себе только по пятницам.

– Нет, – говорю, – просто отдай Томе.

– Хороший ты, Слава, мужик, но не орёл! – сосед огорчённо машет рукой и уходит.

Почему орёл? С чего орёл?

Виноград

Звонит ко мне в Южный город Герман из Москвы.

– Привет, – говорит.

– Привет, – отвечаю.

– Решил виноград посадить у себя на даче в Подмосковье.

Я напрягся, что там Герман собрался сажать. Виноград растёт на юге, тут нет морозов, какой виноград он собрался вырастить под Москвой?

– Ну, – отвечаю.

– Решил с тобой посоветоваться, ты же знатный виноградарь и винодел.

«Ну как, – думаю, – вообще-то я на юге всего пятый год. Виноград в съёмном доме хозяйский, растёт над крыльцом, а вино из него делал Костя, мой друг, я просто ягоды отжимал».

– Ну так, – отвечаю.

– Понимаешь, Славик, – продолжает Герман, – я хочу, как ты – проснуться рано утром, выйти на крыльцо, сесть под виноград, закурить «Яву», птички поют, ягодки светятся, душа... душа летит, а потом уже в сентябре, в тёплом тихом сентябре аккуратно срезать янтарные кисти, отжать ягодки, поставить столитровую бутылку, а потом в феврале прихлёбывать лёгкое домашнее вино, стакан за стаканом, и писать, писать стихи (Герман поэт)... Огарок свечи, в печке трещат дрова, а за окном минус двадцать.

– Кстати, сколько сейчас у вас? – спрашиваю.

– Ну так, плюс пять, ночью были заморозки.

– И это май?

- Май, – загрустил Герман.
 - Ты уверен, что тебе нужен виноград?
 - Уверен, – неуверенно ответил Герман.
 - Ну смотри, – отвечаю, – настоящая сладкая лоза должна расти на южном склоне горы, у тебя есть южный склон?
 - Холм есть, – неуверенно сказал Герман, – там кедрач растёт.
 - На этот склон должно светить яркое солнце, пчёлки должны виться вокруг винограда. У тебя пчёлки есть?
 - Вроде есть, у соседа пасека. Правда, пчёлы там суровые.
 - Виноград должен оплетать прутьики.
 - Какие прутьики?
 - Их в землю втыкают.
 - Понятно.
 - Вокруг винограда должны кружить вакханки, петь грустные греческие песни. У тебя есть вакханки?
- Герман задумался:
- Вакханок нет, жена есть.
 - Жена не то.
- Герман опять задумался.
- Ладно, – говорю, – где-то у меня был справочник виноградаря.
- Герман повеселел:
- Вышлешь?
 - Неужели я, знатный виноградарь, не помогу другу?
- Герман обрадовался и положил трубку.

Незнайка на Луне

Привёз племяннику «Незнайку на Луне». Ему на лето задали его прочесть. Я читал его давно и поэтому забыл, какая это толстая книга.

– Ого, – с грустью сказал племянник.

– Ага, – грозно ответил я.

– Толстый, – сказал племянник.

Я представил Николая Носова, как он пишет свои книги про Незнайку. Книг про Незнайку много. Все они толстые. Носов, наверное, писал их радостно. Ведь у него не было интернета и «Майнкрафта». Если бы у Носова, как у моего племянника, был «Майнкрафт», он бы никогда не написал «Незнайку на Луне».

– Дядя Слава, а ты его читал? – спросил племянник, с трудом удерживая в руках толстенный том Носова.

– Ага, – с гордостью сказал я.

– Тогда давай я не буду читать, а ты мне расскажешь, – радостно заявил племянник.

Мы живём в мире мифов. Мы уже ничего не помним, но есть миф, что помнить должны.

Я посмотрел в окно. За окном, если присмотреться, то можно увидеть море. Июньское море в Крыму ещё холодное, но можно уже купаться.

– Я тебя на море не возьму, – сказал я племяннику.

Племянник вздохнул и засунул том Носова в шкаф.

Настоящее искусство должно быть в самом дальнем шкафу. Его должны доставать тайно и только за особые заслуги.

Котёнок

Пока я был в Алуште, у меня в Южном городе произошёл триллер. Я вернулся с моря, а у меня во дворе кавардак. Стулья разбросаны, стол сдвинут, на зелёном газоне видны следы борьбы неведомых с неведомым.

Сосед стоит за забором грустный. У него перевязан большой палец правой руки.

– Лёша, что здесь было? – спрашиваю.

Молчит.

Тут из-за другого забора появляется тётя Маша. У неё на лбу пластырь.

– Тётя Маша, что это было?

Тоже молчит.

Сосед Стасик из окна высовывается и говорит:

– Они котёнка ловили.

– Зачем? – спрашиваю.

Тётя Маша и Леха, хором:

– Он полшестого утра орал и разбудил весь двор.

– Ну?

– Мы его кормили.

– А почему стулья у меня во дворе раскиданы?

– Мы его в твоём дворе ловили.

– Шустрый, подлюка, – говорит Леха, потряхивая перебинтованным пальцем.

– Шустрый, да... – тётя Маша трогает пластырь на лбу.

Стасик из окна ржёт.

– А сейчас он где?

Все вместе показывают на водосточная трубу. Она у меня не с крыши, а поперёк двора, типа ливнёвка.

– Только ты туда не заглядывай.

– Почему?

Леха показывает перебинтованный палец.

Я пытаюсь заглянуть в водосточную трубу, но оттуда вдруг раздаётся яростный писк.

Я отпрыгиваю от водосточной трубы. Закуриваю, думаю.

– А какого он цвета? – спрашиваю.

– Серого, – говорят хором.

– Серые все с прибабахом.

– Да, да! – Лёша трясёт перебинтованным пальцем.

Котёнок опять хрипит из водосточной трубы.

– Что будем делать? – спрашиваю.

– Твой двор, ты и думай, – это Стасик из окна.

Ещё раз оглядываю перевёрнутые стулья и стол.

– Может, его опять покормить?

Все неожиданно куда-то разбегаются. Стасик закрыл окно, Леха пошёл кормить курей, а тётя Маша просто растворилась в пространстве.

Пытаюсь опять заглянуть в водосточную трубу. В принципе мне второй кот, к тому же дикий, не нужен. У меня свой есть, ласковый, Феник.

Долго думал. Насыпал корма у водосточной трубы и стал ждать. Должен же он проголодаться и вылезти наружу. Не дождался, лёг спать.

Полшестого с улицы раздался страшный вой. Я проснулся, соседи проснулись и орут на меня:

– Уйми своего дикого котёнка!

– Это не мой котёнок!

– А чей? Он в твоей водосточной трубе сидит.

В общем, никому дикий котёнок не нужен. Правда, он сидит в водосточной трубе.

Дождь

В Южном городе третьи сутки дождь. Питер или муссон. Всё своё детство летом я провёл на Дальнем Востоке под Хабаровском. Когда приходили муссонные дожди, то они могли идти не переставая два месяца. Кап-кап. То сильнее, то слабее. Дед сидит и налаживает рыболовецкие снасти. Рядом спит кошка Мурка. Даже кобеля Мухтара из будки запустили в дом. Я сижу у окна и смотрю во двор. Мне хочется играть во дворе, лазать по крышам,

катать машинки, копать песочную яму, но там муссон. Иногда дед отрывается от снастей, и мы играем в шахматы. Когда дед играет в шахматы, то прямо на веранде курит «Беломор». Бабка его не гоняет, он привык курить «Беломор» на веранде. Бабушка жарит кабачки и складывает в аккуратные стопки, как блины. По радио поют «Верасы» и «Лейся, песня». Мне хочется что-то ритмичное, но дед любит «Верасы». Когда на час-два дождь стихает, мы с дедом, накинув дождевики, идём ловить трегуба. Трегуб ловится в дождь. Точнее, дед считает, что трегуб лучше всего ловится в дождь. Промокнув и промёрзнув, не поймав ни одного трегуба, а только с десяток пескарей, мы возвращаемся домой. Кошка Мурка спит. Кобель Мухтар лежит у двери. Дождь. Дальневосточный муссон.

Художник

Когда у меня в Подмосковье была дача, у нас был председатель. Хороший председатель. Толковый. Однажды он решил всем улицам нашего СНТ придумать названия, а дачам дать номера. Так на дачах появились сиреневые таблички с названиями «Вишнёвая», «Яблочная», «Смородиновая» и т. п. Мой адрес оказался «Южная, 9». Всё было хорошо, но однажды я вышел утром на крыльцо и вдруг увидел, что моя сиреневая табличка покорябана, а цифры на ней стёрты. Я подумал на соседа, но и у соседа табличка была покорябана. И у соседа соседа тоже. У трети СНТ таблички были покорябаны. Стали искать виновника – не нашли. Сторожа стали ходить по улицам. Не нашли. Таблички корябались и корябались. Помог случай. Кто-то ночью вышел справить нужду и увидел лохматого человека в широкополой шляпе. Он в темноте корябал табличку с адресом.

Злодея поймали (он оказался из соседнего СНТ), привели на суд собрания дачников, председатель сидел во главе.

– Зачем? – орали все.

Злодей молчал.

– Зачем? – все орали.

Злодей помолчал и вдруг сказал:

– Потому что сиреневый с белым не сочетается.

Оказалось, художник, к тому же аутист.

Сначала его чуть не убили, но потом мудрый председатель снял все сиреневые таблички и повесил синие. Художник-аутист одобрил.

Всё плохо

В субботу утром я не нашёл своей любимой турки и поэтому сварил кофе в кофемашине. Получилась откровенная бурда. Тогда я пошёл в магазин, но полил дождь, а зонт я забыл дома. В магазине купил молока для плохого кофе из кофемашины, но молоко оказалось прокисшим. Но на этом я не остановился. Я позвонил маме, но попал в Мосгаз. Я написал брату, но он не ответил. Я отправил подборку своего любимого современного поэта в редакцию, но перепутал подборки. В редакцию ушла подборка моего самого нелюбимого современного поэта. Я поссорился с любимым поэтом и с редакцией, но меня похвалил нелюбимый поэт. Потом я искал зажигалку, но она потерялась. Потом банкомат заглотил мою карту. Я звонил в банк, но вместо человека мне отвечал робот. Потом наступила ночь, и я побрёл в расстройстве домой.

– Он повернул, – сказала мне дома жена.

– Кто? – спросил я.

- Пригожин, – ответила жена.
- Откуда? – спросил я.
- От Москвы.
- А зачем он туда шёл?
- Свергать Шойгу.
- Вообще-то говорят, что Шойгу живёт на Валдае? – заметил я.
- Ты что, не знал, что весь день был военный мятеж? – спросила жена.

И тут я понял причину дерьмового кофе, прокисшего молока, пропавшей зажигалки и ссоры с любимым поэтом.

Вены

- Да-а-а, где же ваши вены? – сказала мне старая медсестра, ощупывая мою руку перед забором крови.
- На левой лучше, – отвечаю.
- Да-а-а, – сказала медсестра, щупая мою вторую руку.
- Вы вчера пиво не пили?
- Не пил, – соврал я.
- Странно, а курили утром?
- Курил, – не стал врать я.
- Да-а-а, идите выпейте два стакана воды и через пятнадцать минут ко мне.

Я вышел, выпил из кулера два стакана воды, сел на диванчик.

У кабинета скопилось очередь. Человек пять ждали, пока нащупают мои вены. Они обрадовались, когда я вышел. Некоторые смотрели с нескрываемым злорадством.

Через полчаса меня опять позвали и снова стали щупать вены.

– Да-а-а, – сказала старая медсестра и куда-то вонзила мне иголку. Кровь не потекла.

– Зовите Аню! – крикнула она в открытую дверь.

Через пятнадцать минут пришла Аня. Юное создание с розовыми ногтями в стразах.

– Вот, – сказала ей старая медсестра.

– Тю! – воскликнула юная Аня и, почти ничего не пощупав, вонзила повторно мне иглу, теперь уже в вену.

Кровь медленно потекла в пробирку.

– Густая, – меланхолично сказала Аня.

– Плохо? – спросил я.

– Плохо, – ответила Аня и вытащила иглу.

– И что делать?

Но Аня ничего не ответила.

– Извините, – сказала старая медсестра.

А потом подумала и добавила:

– Разжижать.

Злые чувства

Иногда меня посещают злые чувства. В санатории у меня сухой закон. В санатории в принципе сухой закон. Я сижу в курилке на лавке, курю сигареты и страдаю. Но вот ровно в десять пятнадцать (видимо, сразу после грязей) каждый день ко мне на лавку подсаживается благообразный седой старик с деревянной лакированной тростью и медленно из шуршащего пакета достаёт две запотевших (видимо, из холодильника) бутылки пива «Крым светлое». Потом достаёт открывашку, и пробка с характерным звуком летит на асфальт. Вот он делает первый глоток. Ритмично ходит кадык. Потом он охает, улыбается, и чувство вселенской благодати разливается

на его и так благодатном лице. Он быстро выпивает первую бутылку и открывает вторую. Вторую же он цедит долго и вдумчиво, я же всё это время сижу на лавке рядом. Мне больно. Охранникам, видимо, тоже больно, но они не гоняют старика. Закончив своё дело, старик вытаскивает серебряный портсигар, откуда достаёт пахучую сигариллу «Кэптан Блэк». Он с чувством закуривает сигариллу. Мягкий вишнёвый запах обволакивает окружающее пространство. Откуда-то из облаков на землю льётся божий луч. Звучит величественная музыка. Так что мои нехорошие чувства имеют под собой законные основания. Имеют.

Ирина Петровна

– Странно, – говорит семидесятипятилетняя актриса театра Ирина Петровна, – мы сидим в богом забытом санатории, на богом забытом пляже, в уездном городишке глубокой русской провинции, и какой-то банковский служащий мне рассказывает о спектакле «Царская невеста» Виктюка 1977 года. Признайтесь, Слава, в вас есть какая-то тайна?

Я молчу, просто зачем-то полчаса назад прочитал об этом спектакле в Википедии.

– Вы, наверное, Славочка, странник. В молодости вы жили в столицах, потом бродили по свету: Тибет, Анды, Гиперборея, вас любили, вы любили, но вместо истины вы нашли тоску и вот теперь прозябаете у моря в глуши каким-то мелким клерком.

Я молчу, мне не хочется мешать артистической фантазии Ирины Петровны.

– Эх, Славочка, – говорит Ирина Петровна, – если бы я встретила вас пятьдесят лет назад, да что там пятьдесят, хотя бы двадцать, я бы влюбилась в вас до мурашек.

Я страдаю. Пятьдесят лет назад мне было два года, двадцать лет назад тридцать два. Я не люблю это время. Зачем-то я рассказываю о джазмене Бутмане, которого слушал в Коктебеле.

– О-о-о, как я люблю джаз, как я люблю джаз! – восклицает Ирина Петровна, потом делает неосторожное движение и ойкает:

– Проклятый остеохондроз. Если бы я была птица! – патетически восклицает Ирина Петровна.

На пляже много чаек. Отдыхающих мало, а чаек много. Чем меньше отдыхающих, тем больше чаек.

Ирина Петровна просит помочь ей подняться с лежака, и мы медленно идём на магнитотерапию.

Омуль

– Омуля будешь? – говорит мне отъезжающий из санатория в Иркутск сосед.

Я думаю. В принципе, за время отдыха я с соседом почти не общался. К омулю я тоже равнодушен, но отказаться от дружеского порыва как-то неловко. Так можно и обидеть хорошего человека.

– Вышлю, – прерывает мои раздумья уезжающий сосед.

– А орешки кедровые, кедровые орешки?

Я опять размышляю. Действующих зубов у меня уже мало, так что орешки, видимо, ни к чему.

– Вышлю, – опять прерывает мои размышления сосед.

– Ещё у нас песец хороший.

Я пугаюсь. Неужели сосед хочет мне выслать из Иркутска песцовую шубу?

– Ну ты давай, ладно? – говорит сосед и целует меня в макушку, порывисто обняв.

Потом тяжело вздыхает и, поскрипывая чемоданчиком на колёсах, выдвигается к выходу.

Какое-то время я стою в номере и молчу. Потом понимаю, что адреса он моего не знает. Хочу в спину крикнуть адрес (всё-таки песцовая шуба уезжает), но вместо этого говорю:

– А я тебе инжир и персики.

Сосед уходит вдаль, медленно уходит в даль коридора. Видимо, не слышит.

Загорать

Сосед по санаторскому номеру у меня из Иркутска, ему послезавтра уезжать, говорит:

– Ты что такой чёрный? – и смотрит на своё белое тело.

– Загорал, – отвечаю. – А ты что делал?

– С друзьями сидел.

Я покосился на пустые винные бутылки, стоящие возле изголовья его кровати.

– И я хочу как ты, – продолжил сосед, – мне мама сказала приехать чёрным.

– Чёрным ты уже не станешь, – отвечаю, – это надо постепенно загорать неделю, первый день не больше получаса.

– Ну пойдём, – говорит.

Пошли на море. Он сбросил со своего белого тела всю одежду и подставил его обжигающему солнцу. Уснул.

Через полчаса я его растолкал и говорю:

- Одевайся, сгоришь.
- Я уже чёрный, как ты?
- Нет, ты белый, вставай, одевайся.
- Мама в Иркутске обидится.

И опять уснул.

Растолкал его ещё через полчаса:

- Ну хватит, а то трындец будет.
- Мы, сибиряки, огого!
- Ну я тебя предупредил, – говорю и пошёл в море.

А дальше всё было обыденно и понятно. Утром красная кожа, красная рожа и крем против загара.

Говорит:

- Зато маме покажу.

Железо

Костя приехал, посмотрел на виноград, сказал:

- Твоему винограду не хватает железа.
- С чего? – спрашиваю.
- Видишь эти светлые круги на листьях – это не хватает железа.

В прошлом году Костя сказал, что виноград ест клещ.

- Может, ему яблочек дать?
- Зачем? – удивился Костя.
- В яблоках железо.

Посмеялись.

- Нет, – сказал Костя, – ему нужен железный купорос.

Я знал только медный купорос, в Подмосковье я им опрыскивал дуб.

- А что, есть железный купорос? – спросил я.
- Есть, – кивнул Костя.
- А если его не дать?

– Погибнет.

В прошлом году виноград от клеща не погиб. Я задумался и произнёс:

– Южный ветер с моря вместе с запахом йода и призывными криками чаек принесёт радость, счастье, прохладу и железный купорос.

– Ты придурок, – покосился на меня Костя.

– Верь мне, – сказал я.

– Придурок, – произнёс Костя.

Сегодня после работы я брожу по Центральному рынку Южного города, ищу железный купорос, но никто не знает, что такое железный купорос, все предлагают медный. Жую яблоко.